

**ОТРАЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО НАПОЛЕОНОВСКОГО
МИФА В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ И МЕМУАРИСТИКЕ**

В «наполеоновском цикле» стихотворений М.Ю. Лермонтов, на наш взгляд, ближе других русских поэтов подошел к европейскому наполеоновскому мифу. Он воспринял основные его аспекты и до конца творчества осознавал Наполеона титаном, героем, сраженным лишь силой рока. Как и другие романтические герои, это индивидуальность, возвысившаяся над толпой, после падения героя отомстившей ему за дерзновение. Подтверждением того, что поэт, в сущности, всегда оставался во власти этой романтической концепции, может служить близкая по семантике интерпретация наполеоновского мифа, содержащаяся в стихах его современников. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать специфику интерпретации наполеоновского мифа в русской романтической поэзии и мемуаристике. Исследователи уже обращали внимание на тему Наполеона в наследии М.Ю. Лермонтова [1; 4; 5], однако не ставили эту проблему как интерпретацию европейского мифа о герое [2; 3; 8]. Между тем, анализ позволяет говорить, что это так.

В.Г. Бенедиктов, поэт того же поколения, в стихотворении «Ватерлоо» называет героя «дивный муж судеб», «туманное божество», которому приписаны невиданные возможности:

Одно движение нахмуренною бровью
Могло стянуть и разметать полки,
Измять венцы и мир забрызгать кровью... [6, с. 283].

Как у М.Ю. Лермонтова здесь воплощены две идеи: избранность и непостижимость. Но если М.Ю. Лермонтов с горечью и презрением говорит о неблагодарном народе, предавшем своего героя, то В.Г. Бенедиктов – с меланхолической грустью («Теперь, когда еще не тронуло забвенье / В умах нарезанной черты, / Что и гиганту с высоты / Возможно страшное паденье...») [6, с. 283]) как о том, что должно произойти с каждым, любым героем. Как и его современник, Б.Г. Бенедиктов относит возвышение героя за счет его божественного избранничества, а падение считает следствием рока: «Которым вновь по воле рока / Был до таинственного срока / Увенчан царственный беглец» [6, с. 284]. Поэт воссоздает знакомую по стихотворениям М.Ю. Лермонтова поэтическую ситуацию – восстание героя из могилы: «...дивный свет рассек пучину мглы», «Орлиный взор вождя сверкнул перед полками». Оценка феномена Наполеона у поэта также близка лермонтовской: «Пусть спорят о судьбе! Ее властитель – гений» [6, с. 284]. Поражение гения предопределило небесное знамение: «Последняя в небе звезда померкала, – / То было затмение звезды роковой» [6, с. 285]. Обратим внимание, что звезда (комета) в наполеоновской литературе нередко возникает как знак судьбы, предостережение: подробнее мы будем говорить об этом ниже.

В.Г. Бенедиктов дает условный, но весьма характерный портрет героя: «С спокойствием тихим на бледном челе, / Стоял он, с улыбкою взоры вперяя», «И сам, сто победный, летел по строям», «И он, державный исполин», «Окидывал орлиными очами», «И грозно в даль направленный им взор, / Казалось, могуществом волшебным / Усиливал полков его напор» [6, с. 286]. Возникает в стихотворении поэта и известная по пушкинским стихам деталь: «Он на груди своей крестом / Укладывая царственные руки» [6, с. 286]. Разумеется, у поэта нет исторической конкретики, и описание сражения при «Ватерлоо» с успехом могло быть воспеванием любого военного подвига героя: «Грозно глас вождя разлился, / Очи вспыхнули его, / И, как лес, зашевелился / Сонм отважных вокруг него...» [6, с. 286]. Как

победное движение, так и сокрушительное поражение представлены в романтическом ореоле: «Багровое солнце склонилось к закату», «... то-нет в вечерних густых облаках», «сквозь сумрак, сквозь ядра и гром». Определенное состояние природы противопоставлено образу непобедимого, «помазанника судьбы»: «На бодром коне выбивался он».

Поражение героя, а также его заточение на «скудном лоскуте земли» представлены так же, как в целом ряде стихотворений той поры: «томный шум волны, дробимой / О край утесов вековых», «над прахом гения возвыглася гробница» и пр. В отличие от своих великих современников, В.Г. Бенедиктов создает оригинальный образ моря, сумевшего удержать ленника «в оковах влаги»:

И, кажется, кругом на царственном просторе
Самодовольней плещет море,
Как бы гордясь, что удержать могло
Гиганта-пленника своим кристаллом синим
И грозного земным твердыням
В оковах влаги сберегло;
И облекает мрак угрюмый
Гробницу острова; лукаво шепчет лес,
И облака стекаются, как думы,
На сумрачном челе небес» [6, с. 288].

В стихотворении поэта романтический герой показан в минуту сокрушительного поражения, причем его причиной осознается неожиданная «милость», поднявшаяся в его сердце по отношению к воинам: «И отдал им на отдых – с кровью / Из сердца вырванную ночь» [6, с. 285]. Кроме героизма, отваги, мужества, которые он проявлял как военачальник, герою не чужды человеческие чувства, проявляющиеся в нем и после поражения, когда он услышал голос своей судьбы: «Поник он, как данник, на ложе челом», «Теперь покорился: неведомый голос / Святое ”свершилось” над ним произнес» [6, с. 287]. Конец славной жизни героя представлен в романтическом ореоле мученичества: «Гас во мраке», «пал, помазанник судьбы», а также на фоне природы, состояние которой аллегорически описывает сокрушительное падение гения: «Огнями небо разрывая, / Летела туча громовая; / Умолкла... Ветер не несет – / И тихо в бездну океана

/ Печальной глыбою тумана / Огнегремучая падет. / Губящ, блистателен, огромен, / Прошел дозволенный ей пир, / И в миг паденья грозно-темен / Прощальный взгляд его на мир. / Еще она не догремела, / Еще палящих сил зерно / В ее клубах заключено; / Но сила тщетная замлела, / И молний замкнутых колчан / Без грома спущен в океан... [6, с. 287]. Стихотворение В.Г. Бенедиктова, думается, представляет собой характерный пример романтического осмысления личности Наполеона, близкой устоявшемуся стереотипу, который был свойственен и европейской литературе той поры.

Вместе с тем, можно назвать ряд стихотворений русских поэтов, в которых отмеченные особенности поэзии первого ряда повторяются, автоматизируются. Так, у Я.П. Полонского вполне в этом смысле традиционно, привычно Наполеон представлен, как светозарное, уникальное явление. В стихотворении «Переход через Неман» кольцевая композиция. Оно открывается картиной вторжения в Россию, когда «стонет земля от копыт», а завершается описанием тревожного предчувствия героя, вступающего в неизвестную ему землю: «И стонут мосты от копыт». Поэтом схвачен момент, почти миг, когда блистательный завоеватель усомнился в своей сдаче. В стихотворении, в отличие от произведений его современников, где возникают лишь некоторые детали, элементы внешности, дается узнаваемая характеристика облика героя, за которым «летят» его «адъютанты»:

Надвинув свою треугольную шляпу,
Все в том же походном своем сюртуке,
На белом коне проскакал император
С подозрной трубою в руке... [6, с. 289].

Поэт дает даже описывает черты его лица: «Чело его ясно, движенья спокойны, / В лице не видать сокровенных забот. / Коня на скаку осадил он, и видит – / За Неманом туча встает...» [6, с. 289], после предзнаменования – «...лик его бледен, движенья тревожны» [6, с. 289], однако это описание, конечно, стереотипно и лишено конкретики.

В русской поэзии немало примеров, когда небесное знамение – затмение, комета, резкое изменение погоды – становится предзнаменованием. Особенно характерно это для поэзии романтической. В стихотворении Я.П. Полонского таким знамением является вне-

запно наплывшая на небо туча. Его герой гордо заявляет, что она «моей светозарной звезды не затмит!», однако он все же воспринимает неблагоприятное явление, как недобрый знак: «И мнится ему в то же время – сверкая, / Из тучи перст божий грозит...» [6, с. 289]. У предшественников поэта, как уже говорилось, герой погибает по воле рока. Я.П. Полонский конкретизирует причину его падения – он наказан за своеволие, за вторжение на святую Русь самим богом («И, душу волнуя, предчувствие шепчет / ”Сомнет знамена твои русский народ!”»).

А.И. Одоевский углубляет этот сюжет. Его герой, покоритель полмира, обречен, посягая на свободу непокорного народа. В стихотворении «Сен-Бернар» обе идеи: титаническая личность, все сокрушающая воля индивидуальности, бесстрашие героя – и завоеватель, не рассчитавший свои силы и обреченный на гибель – находятся в равновесии. В первой части стихотворения «орел неутомимый», «бессмертный вождь», которого «томит / Победы глад неутолимый», носящий «имя, как самум на пламенных песках» вошел в Альпы с намерением покорить Италию. В диалоге героя с горой прямолинейно подчеркнуты титанические свойства его личности: он спорит за первенство с самой природой, делающей, однако, грозное предостережение: «... цепь побед / По миру прогремит... Но встанет крепкий мститель, – / И ты на свой наступишь след» [6, с. 291]. А.И. Одоевский избирает аллегорическую форму для осмысления темы героя и победившего его народа, противопоставляет величественный образ «бессмертного вождя» западного мира «всходящей звезде мужающей державы».

Выше мы обращали внимание на близость к лермонтовскому художественного осмысления темы у Ф.И. Тютчева в «Могиле Наполеона», а также использование одного и того же образа «тени». В стихотворении «Из ”Пятого мая” Мандзони», как и в «Последнем новоселье», поэт вслед за своим итальянским предшественником предпринимает попытку обобщить удивительный опыт непобедимого героя, сокрушенного роком. Как пишет Е.Ю. Сапрыкина, ода Мандзони «Пятое мая», «написанная на смерть Наполеона и воплотившая романтическое понимание истории, места личности в ней»

была наиболее известным произведением поэта. Он рассмотрел образ Наполеона на фоне «широкой исторической перспективы», а «в трактовке судьбы Наполеона контрастно сочетаются у Мандзони восхищение этим необычайным человеком и умиротворенная радость верующего, который видит высшую мудрость в том, что могущественному баловню фортуны, как и простым смертным, под конец жизни дарована только одна надежда – на божью милость» [7, с. 217]. При всей зависимости от оригинала, Ф.И. Тютчев делает несколько иной акцент: его герою не надежда дана на божью милость, а «сильная рука» «к нему спустилась – / И к небу, милосердная, / Его приподняла» [6, с. 292]. В оригинальном стихотворении «Могила Наполеона» так же, как в переложении, сохраняется восторженное отношение к герою, наполнившего «ум людей» своей «тенью».

Русская романтическая поэзия восприняла и воплотила отдельные элементы европейского наполеоновского мифа, что во многом объясняется особенностями романтического мировидения. Функцию мифологемы в этом мифе выполняло культурное имя Наполеона как символа идеи индивидуализма, всепобеждающего титана, сраженного роком. В русской романтической документальной прозе аспекты этого мифа осмыслены несколько иначе. Так, замечательным свидетельством восприятия личности императора русским подданным являются «Записки генерала В.И. Левенштерна», в которых подробно освещаются события 1809 г. Пользуясь тем, что Россия и Франция в ту пору состояли в союзнических отношениях, он вступил на службу в штаб французской армии, где имел возможность наблюдать Наполеона. Автор мемуаров видит его «необыкновенным человеком» и транслирует общее мнение о нем: «... его имя было у всех на устах! Он пробудил усыпленные умы и сумел приковать все взоры» [6, с. 324]. По всей вероятности, на непосредственные впечатления В.И. Левенштерна наложило свой отпечаток время, потому в тексте его воспоминаний содержатся взвешенные, иногда почти философские рассуждения о значении Наполеона. «Бонапарт принадлежит истории; ей придется выяснять необычайные качества, которыми был одарен этот человек. Современники трудно исполнить эту задачу, но он может изложить ясно и, главное, правдиво те события,

в коих ему пришлось быть участником, и отметить некоторые особенные черты, присущие Наполеону, которые ему довелось самому наблюдать или о которых ему пришлось слышать» [6, с. 325]. Автор полагал, что его частное мнение «может пригодиться со временем как материал для исторического исследования и может представить некоторый интерес потому, что оно высказано искренно и беспристрастно» [6, с. 325], причем несколько раз настойчиво подчеркивал свою объективность.

Удивительный поворот своей судьбы, давшей ему возможность быть рядом с этим «замечательным человеком», он относит за счет европейской политики, которая совершала немислимые впоследствии повороты, делая давнишних противников союзниками, и наоборот. Наполеона окружали выдающиеся военачальники, но «он один был достоин самых серьезных размышлений, как в отношении его оригинальной личности, так и в силу его многочисленных и разнообразных операций» [6, с. 325]. В.И. Левенштерн писал, что военные действия усиливали достоинства Наполеона и скрадывали его недостатки, но судить о том, каковы они, нельзя ни по одному печатному бюллетеню той поры, поскольку все они публиковались исключительно в пропагандистских целях и правды не содержали. Правду он увидел своими глазами, когда французские войска вошли в Вену. «...Признаюсь, он не произвел на меня ожидаемого впечатления. Его лицо было мне знакомо по портретам; но я нашел, что он был полнее, нежели его обыкновенно изображали. Его походка была неграциозна, он держал себя слишком просто, в его поступи было мало достоинства. Он находился постоянно в движении, не мог ни минуты постоять на месте, но говорил очень мало; часто нюхает табак и, как будто сгорая от нетерпения, то закладывает руки за спину, то скрещивая их на груди. Не знаю, подражал ли он Фридриху Великому или просто был нетерпелив, но я видел, что он брал табак из кармана, не трудясь достать для этого табакерку» [6, с. 330]. Автору воспоминаний запомнилась и особая простота в общении Наполеона с офицерами и солдатами, которые подходили к нему во время парада, чем он объяснял любовь армии к своему полководцу. «Этот великий человек был большой шарлатан, но его шарлатанство

было рассчитано на характер французов и вообще на свойства человеческого сердца» [6, с. 330]. Наполеон хорошо знал особенности человеческой психологии, мастерски использовал слабости, преданность, страх и намеренно создавал себе определенную репутацию («Отъезд императора всегда походил на тревогу, на внезапное нападение неприятеля»), а также не скрывал отдельных черт своего характера: легкий переход в состояние бешенства, горячность, неосмотрительность и пр.

В главе XVII автор делает замечательное заключение, которое следует отнести, на наш взгляд, к слою более позднего времени, т.е. выражает не его мнение молодого человека, только что записавшего свои впечатления, а автора на закате его жизни. Он пишет, что предвзятые мнения о Наполеоне имели как национальный, так и субъективно-личный характер. «И конечно же, многие относились к императору предвзято, пропуская каждое его дело через призму, которая часто представляла все в искаженном свете. Хотя я уважал Наполеона за его таланты, за его изумительное счастье, но не любил его за зло, сделанное Европе, и особенно за то, что он заставил поблекнуть славу нашего оружия. Однако беспристрастие, коим я дал себе слово руководствоваться, заставляет меня сказать, что как предводитель армии он был бесподобен» [6, с. 332]. Обратим внимание, что славные военные победы Наполеона автор, как и поэты-романтики, относил за счет его счастливой звезды.

В личных отношениях в людьми он бывал, однако, не так блестящ. Во всяком случае, автор мел возможность говорить с любовницей императора, Валевской, которая рассказывала о некоторых особенностях его сложного характера, его нетерпеливости, желанию, чтобы с ним были покорны. «Если перенестись мысленно в ту эпоху, – заключает автор мемуаров, – то легко себе представить, какое обаяние имели в наших глазах все лица, приближенные к обитателю Шенбрунна, и что чай, который мы пили ежедневно с этой хорошенькой женщиной, до губ которой только что коснулся Бог войны, казался нам вкуснее чая, получаемого нами обыкновенно из Китая» [6, с. 337]. В.И. Левенштерн несомненно принадлежал к числу тех русских подданных, кто испытывал огромный интерес к Наполеону

и восхищался им. Несмотря на то, что его армии пошли войной на Россию, – а автор воспоминаний прошел славный путь военачальника и завершил свою карьеру генерал-майором, – в главах, относящихся к началу его знакомства с Наполеоном, выражен восторг, восхищение этим «Богом войны» и всеми, кто с ним был близок.

Воспоминания другого современника тех событий, В.С. Норова, опубликованы в 1834 г. и, в отличие от мемуаров В.И. Левенштерна, увидевших свет лишь в начале XX в. и переведенных с французского весьма небрежно, обратили на себя внимание современников, в том числе, В.Г. Белинского. Критик отмечал в них, прежде всего, «энтузиазм» как большое достоинство позиции автора. К слову, и В.Г. Белинский назвал Наполеона «громдным гением» и «Сыном судьбы». «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» охватывают наиболее напряженный период наполеоновских походов – российский. Автору удалось сохранить гармоничное соотношение между фактом и его оценкой, выразить и патриотизм, и взвешенность, объективность в оценке «своих» и «чужих». Наряду с высокой оценкой личности Наполеона в его мемуарах можно встретить критическое отношение, скажем, к медлительности Кутузова. Неоднократно он выражал сочувствие к поверженному противнику («Какой русский офицер отказал бы в помощи побежденному неприятелю?»).

Как и В.И. Левенштерн, В.С. Норов дает описание внешности завоевателя: «Он был тогда в зимнем одеянии, в легкой, наподобие сюртука, темно-зеленой шубе, подбитой соболем, с золотыми галунами, и в польской четырехугольной шляпе с соболиною опушкой. Сошед с лошади, он расхаживал взад и вперед по дороге, сложив назад руки и разговаривая с маршалом Бертье. По причине гололедицы он подпирался простою березовою палкою, часто останавливался, смотрел на русских в маленькую зрительную трубку и отдавал приказания. Ядра сыпались вокруг его, но, казалось, что он их не примечал. Никогда еще во время сего похода не видали его в таком огне. ”Долго я был императором, говорил он окружавшим его, – пока мне быть генералом”. Известно, что никогда менее он себя не щадил и нигде более не оказал воинских достоинств, как в Итальянских сво-

их походах, когда был генералом; и в сей день, среди снежных полей России, старые его воины видели в нем героя Аркольского, который вел их к победам под прекрасным небом Италии. Ободренные его присутствием, полки его пылали мужеством» [6, с. 346]. Говоря о военных сражениях, автор воспоминаний лишь изредка упоминает Наполеона: он то «был удивлен», то «терял терпение», но в главе «Бауцен» описывает его неожиданную реакцию на поражение и желание бравировать несуществующими победами: «Несмотря на великий урон, претерпленный французскою армиею и простиравшийся до 20 000 убитыми и ранеными, – замечает В.С. Норов, – он был в восторге, и мечтал уже отбросить нас за Одер, был уверен, что наша армия будет отступать к сей реке. Желая известить покоренные ему народы об успехах своего оружия, он издал пышную реляцию и разослал ее в Париж, в Дрезден, в Милан, в Миних и другие города, даже до Варшавы. Всегда пылкий и честолюбивый во всех своих предприятиях, не переставая действовать на воображение людей, он вдруг задумал в главной своей квартире издать повеление о сооружении великолепного памятника на вершине Симплона, там, где он устроил превосходное Шоссе, среди бездн и снегов; дабы сей памятник передал позднешему потомству и славу его побед, и благодарность итальянскому народу за великие пожертвования и усилия, оказанные в сей войне» [6, с. 357]. Наблюдения В.С. Норова косвенно подтверждают мысль, высказанную исследователями, о том, что и сам Наполеон немало сделал для упрочения мифа о себе как о непобедимом герое.

В романтической поэзии воспроизводилось тематически-образное клише, свойственное европейским представлениям о Наполеоне. В мемуаристике, во всяком случае, в воспоминаниях, проанализированных нами, романтический ореол завоевателя несколько снижен, что связано, видимо, с иным способом выражения позиции автора, да и события реальной действительности во многом способствовали развенчанию мифа о непобедимом и блистательном герое.

Литература

1. Грунский И.К. Наполеон I в рус. художественной литературе / И.К. Грунский // Русский филологический вестник. – 1898. – Т. 40. – № 3 – 4. – С. 279 – 90;
2. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников / Н.И. Казаков // Новая и новейшая история. – 1970. – № 4. – С. 31 – 55.
3. Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России / Е.Г. Матюшенко // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М.: Минувшее, 2003. – С. 174 – 201.
4. Мордовченко Н. Лермонтов и русская критика 40-х гг. / Н. Мордовченко // Литературное наследство. – Т. 43 – 44. – С. 745-796.
5. Мотовилов Н.Н. «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой») / Н.Н. Мотовилов // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); [Гл. ред. В.А. Мануйлов]. – М.: Сов. Энцикл., 1981. – С. 331 – 332.
6. Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках российских исследователей. Антология [Автор-составитель О.В. Соколов]. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 1038 с. (Русский Путь).
7. Сапрыкина Е.Ю. Алессандро Мандзони / Е.Ю. Сапрыкина // История всемирной литературы: В 8 томах [АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького]. – М.: Наука, 1983-1994. – Т. 6. – 1989. – С. 216-219.
8. Секиринский С.С. Наполеоновский миф в России XIX – XX вв. / С. Секиринский // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н.М. Великая, Е.Д. Гальцова]. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 162 – 175.

Анотація

О.В. Тарарак. Відображення європейського наполеонівського міфу в російській романтичній поезії та мемуаристиці.

В статті ми намагаємося проаналізувати, як російська романтична поезія «другого» ряду, а також автори-мемуаристи інтерпретували поширені уявлення про Наполеона. Зображено, що в поезії він характеризувався в контексті міфу про героя, що підкорює народи, відтворювалося тематично-образне кліше, що є характерним для європейського прочитання переваг імператора. В мемуаристиці романтичний ореол завойовника є дещо зниженим, що пов'язано з іншим засобом виразу позиції автора, а також із подіями реальної дійсності, що сприяють руйнуванню міфу про непереможного героя. В мемуарах ми бачимо величезний інтерес до Наполеона,

захоплення їм, а також була здійснена спроба визначити його роль в російській історії. Спостереження В.С. Норова, який є учасником кількох битв та чиє оповідання виконане в реалістичному ключі, позаяк підтверджують думку, що сам Наполеон багато зробив для того, щоб міф про нього, як про непереможного героя став якомога міцним.

Ключові слова: міф, культурний герой, романтична ідеалізація, мемуаристика.

Аннотация

А.В. Тарарак. Отражение европейского наполеоновского мифа в русской романтической поэзии и мемуаристике.

В статье предпринята попытка рассмотреть, как русская романтическая поэзия «второго» ряда, а также авторы воспоминаний интерпретировали распространенные представления о Наполеоне. Показано, что в поэзии он характеризовался в контексте мифа о герое, покоряющем народы, воспроизводилось тематически-образное клише, свойственное европейскому истолкованию достоинств императора. В мемуаристике романтический ореол завоевателя несколько снижен, что связано с иным способом выражения позиции автора, а также с событиями реальной действительности, во многом способствовавших развенчанию мифа о непобедимом и блистательном герое. В воспоминаниях выражен огромный интерес к Наполеону, восхищение им, а также предпринята попытка осмыслить его роль в русской истории. Наблюдения В.С. Норова, участника ряда сражений, повествование которого выполнено в реалистическом ключе, косвенно подтверждают мысль о том, что сам Наполеон немало сделал для упрочения мифа о себе как о непобедимом герое.

Ключевые слова: миф, культурный герой, романтическая идеализация, мемуаристика.

Summary

O. Tararak. The reflection of the European Napoleonic myth in the Russian romantic poetry and memoiristics.

We tried to consider in our article, how the expanded perceptions about Napoleon were interpreted by the Russian poetry of the «second» row and also by the authors of memoirs. We show, that Napoleon was described in the context of the hero conquering nations myth through which the topical-imaginative cliché usual for the European interpretation of emperor's advantages was rendered. The romantic conqueror's nimbus is slightly reduced in memoiristics. It depends on the other method of the author's position expression and also on the reality events,

which considerably uncrown the myth of the invincible hero. We can see interest and admiration in memoiristics about Napoleon. We also tried to comprehend his part in the Russian history. V.Norov was the participant of some battles and he wrote a narration in the realistic way. His remarks indirectly confirm the thought, that Napoleon himself did a lot to establish the myth about the invincible hero.

Key words: myth, cultural hero, romantic idealization, memoiristics.